

СТАТЬЯ 3.

Европа: начать с культуры...

Единое культурное пространство Европы существует как минимум со времен Средневековья. В эпоху Возрождения и тем более – в век Просвещения мыслители и художники могли жить и творить в любой из европейских стран, самым естественным образом переходя от одного языка к другому, от одной культурной традиции к другой. Сегодня умами европейцев настолько завладели политические и экономические аспекты, что никто и не вспоминает слова, сказанные одним из отцов-основателей единой Европы Жаном Монне¹: «Если бы можно было начать сначала, я бы начал с культуры...». Культура – это цемент, необходимый для сохранения прочности европейского здания, без которого оно может обрушиться. Международная федерация преподавателей французского языка (МФПФЯ) постоянно напоминает об этом на страницах своего печатного органа – журнала «Французский язык в мире» (*Le Français dans le monde*), подчеркивая роль школы, а внутри школьного учреждения – роль преподавателей языков в передаче бесценного европейского достояния в руки молодых поколений...

Ниже приводятся материалы, опубликованные в журнале «Французский язык в мире» в 2003 году, посвященные некоторым аспектам строительства Европейского Союза, и в частности проблемам его языковой политики, которые не только не утратили, но приобрели еще большую актуальность после вступления в ЕС в мае 2004 года целого ряда новых государств.

Европейский Союз: до каких пределов?

Филип Моро Дефарж
(*Французский институт
международных отношений*)

Европейский Союз – это не Европа. Это историческая конструкция в Европе. Границы Союза формируются путем переговоров между заинтересованными странами. Любое государство, желающее стать его членом, может выставить свою кандидатуру. После завершения переговоров о вступлении оно должно заручиться согласием своего народа. Одновременно с этим за вступление нового или новых членов должны единогласно высказаться государства-члены Союза. Таким образом, границы ЕС зависят от двух факторов: воли нынешних членов принять новые государства и желания третьих государств вступить в ЕС.

А существует ли какой-либо «объективный» или цивилизационный критерий? Из статей 6 и 49 Договора о ЕС можно выделить одно общее положение: «Любое европейское государство, соблюдающее принципы [свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, а также правового государства], может обратиться с просьбой о членстве в Союзе». Что такое европейское государство? Европа в ее нынешнем представлении, от Атлантики до Урала, придумана официальным географом Петра Великого – Татищевым, старавшимся обозначить европейскость России. Не существует ни политического, ни юридического определения Европы. Разве нельзя считать США, даже если они отделены от Европы океаном, европейским государством как в силу того, что они ведут свое происхождение от Старого континента, так и потому, что после двух мировых войн они стали гарантом европейской безопасности? Турция, Россия – европейские? Турция – государство мусульманской формации, но с момента

¹ Жан Монне – известный французский экономист; совместно с бывшим министром иностранных дел Франции Р. Шуманом занимался вопросами европейской интеграции. Монне был настоящим энтузиастом, даже фанатиком идеи европейского единства. В 1976 году издал «Мемуары», в которых подробнее образом описал перипетии создания Европейского Союза.

своего рождения, в результате Первой мировой войны, страна никогда не отступала от светского пути, начатого Кемалем Ататюрком. Что касается европейскости России, это бесконечный спор, где один аргумент перебивает другой. Россия – христианская, следовательно, европейская; но Россия – православная, значит, византийская и восточная. Сами россияне разделяют далеко не однозначную точку зрения: если человек советской атомной мощи – Андрей Сахаров боролся за европеизацию своей страны, то писатель Александр Солженицын отстаивает евроазиатскую Россию. География, история, культура доказывают лишь то, что от них хотят, чтобы они доказывали.

Согласно тем же статьям 6 и 49, ЕС принимает лишь демократические государства. Первопричина европейского объединения – установление прочного мира между государствами-участниками. Это предполагает, что государства абсолютно доверяют друг другу. Они должны быть связаны воедино всевозможными формами сотрудничества, должны одинаково понимать такие вещи, как соблюдение правил игры, контроль над государственными структурами, защита прав личности... Может ли любое демократическое государство вступить в ЕС? Ведь в таком случае у последнего не осталось бы иных ограничений, кроме идеологических, и в дальнейшем он слился бы с ООН. Поэтому демократия должна рассматриваться как необходимое, но не исчерпывающее условие для определения границ сегодняшнего европеизма.

Существует лишь один надежный критерий: в ЕС может вступить любое государство, считающееся европейским, если оно глубоко разделяет политические цели Союза, и это чувствуют и признают остальные страны-участники. Но именно вопрос о политическом проекте ЕС вызывает наибольшие разногласия между государствами. Одни хотят федерацию, другим претит подобная перспектива. Одни видят Европу лишь спаянной с Америкой, другие мечтают о независимой Европе. Станный европейский проект! Не позволяя облечь себя в какую-либо конкретную форму, он, тем не менее, продолжает развиваться: единый рынок, зона свободного перемещения лиц, евро, общеевропейское гражданство, очертания общей дипломатии...

Какими должны быть границы для Европы? Возможно, вопрос следует перевернуть: если европейцам удастся разработать подходящий проект, они смогут выделить под него адекватное пространство? Ответ подсказывает история европейского строительства. С 1950-х до 1980-х годов оно плодотворно развивалось в условиях двойной защиты: на востоке – железный занавес, отделявший другую Европу, на западе – Атлантический Союз. С падением железного занавеса и вследствие этого неизбежным перераспределением американского участия европейское самосознание стало реформироваться, в том числе под влиянием ряда других факторов: нарастающей волны глобализации, всплеска движений за культурное многообразие, вынуждавших государственные институты, партии, церкви искать новый баланс единства и различия... Раньше, да и сегодня еще, границы определял тот, кто сильнее. Сейчас впервые появился политический союз, имеющий исторический шанс провести свои границы не силой оружия, а путем переговоров, с учетом пожеланий каждого (при сохранении возможности сказать «нет», как Норвегия в 1972 и 1993 годах). Если европейцы вырастут, их проект и их границы будут взаимно уточняться в рамках позитивного процесса на благо всех и каждого; в состав ЕС войдут лишь те, кто полностью готов стать частью команды, победить, или потерять, вместе с ней.

Границы и национальная принадлежность – вещи, исторически нестабильные. Их кажущееся совершенство и незыблемость на самом деле надуманны и преходящи. Европа здесь не исключение. Проблема ЕС в том, что он представляет собой демократическую империю. Союз втянут в имперский процесс: для сохранения и обновления своих связей с соседями он должен расширяться путем членства или партнерства. Однако эта империя управляется коллективным императором – сообществом государств-членов ЕС. С этой точки зрения, вопрос о границах – это лишь изнанка (или лицо) вопроса о политических целях Союза. По выражению бывшего

председателя Европейской Комиссии Жака Делора, ЕС по-прежнему представляют как «неидентифицированный политический объект». Заслуга (или недостаток) этого расплывчатого термина состоит в том, что он обеспечивает согласие всех. Однако Союз и особенно населяющие его народы должны четко сказать, кем они хотят быть. ЕС должен понять, что ему надо определиться. Но чтобы определиться, ЕС должен пойти на преобразования, превратиться из объединения государств в целостность федерального типа, важнейшая миссия которой способствовать организации Европы и ее периферии.

Лингвистическая головоломка

Луи-Жан Кальве

(Университет Экс-ан-Прованс)

ВРЕЗКА 2 (В ТЕКСТ НЕ ВКЛЮЧАТЬ) Принятый в ходе создания Европейского сообщества языковой режим все меньше и меньше соответствует происходящему процессу расширения Европейского Союза. Поэтому государства-члены должны пересмотреть языковую политику, с тем, чтобы она учитывала как интересы отдельных государств, так и их общие интересы (**КОНЕЦ ВРЕЗКИ**)

В Римском договоре, закрепившем рождение Европейского сообщества, ясно говорилось, что его официальными языками будут *ipso facto* официальные языки государств-членов. После первого расширения ЕС стал насчитывать 11 официальных языков. Если для n языков количество возможных комбинаций переводов составляет $n(n-1)$, то для 11 языков оно соответственно составит сто десять комбинаций. Поэтому переводческая служба Европейской Комиссии, насчитывавшая вначале 500 постоянных переводчиков, ежедневно прибегает к услугам большого количества внештатных переводчиков (от 200 до 300).

После принятия новых стран – Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Словении, Латвии, Литвы, Эстонии, Кипра и Мальты, затем Болгарии и Румынии – Европейский Союз будет насчитывать порядка двадцати официальных языков (даже больше, в зависимости от того, какие языки выберут Кипр и Мальта). При двадцати языках будет, соответственно, триста восемьдесят комбинаций переводов. Если письменный и устный переводы уже поглощают 40 % текущего бюджета, то можно вообразить, к чему приведет подобная «вавилонизация», влекущая за собой и другие проблемы, например, поиски переводчиков для отдельных языков. В 2001 году, например, на отборочный конкурс переводчиков с финского на греческий язык не было подано ни одной заявки. Поэтому приходится переводить, например, с греческого на английский или французский, затем с английского или французского на финский, с неизбежными при этом смысловыми потерями. Поскольку объемы письменного перевода неуклонно возрастают, механизм становится настолько тяжеловесным, что может парализовать деятельность всей системы.

Между тем предложения, направленные на решение проблемы языка, высказывались. В декабре 1994 года французский министр по европейским делам Ален Ламассур выдвинул идею сокращения количества рабочих языков до пяти (самых распространенных в Европе): английский, французский, немецкий, испанский и итальянский. Францию тотчас же обвинили в желании установить пятиязычное правление и совершить убийство малых языков... Ситуация, сравнимая с игрой, в которой интересы участников расходятся настолько, что между ними возникают бесконечные «дуэли», цель которых не столько поиски приемлемого для Европы решения, сколько защита языковых национализмов.

Выдвинутое в июле 2001 года командой председателя Еврокомиссии Романо Проди предложение перейти от трех рабочих языков (немецкого, английского, французского) к одному было воспринято как «лингвистический переворот». С одной стороны, этот эпизод показывает, что если чрезмерные расходы на устный и письменный перевод – это цена, которую надо платить за соблюдение языкового разнообразия, то,

судя по всему, Комиссия была тогда не слишком озабочена защитой этого самого разнообразия; с другой стороны, он красноречиво проиллюстрировал, чем может быть чревата «игра вничью» в такой области, как языковая политика, т. е. когда выигрыши и проигрыши взаимно уничтожаются, проигравшие платят выигравшим. Предложение команды Проди метафорически означало, что выигрыш английского языка будет оплачен немецким и французским. А возможное выдвижение испанского в ранг рабочего языка имело бы такого же рода последствия и в отношении уже существующих трех языков, и в отношении всех других. К тому же, не совсем понятны критерии, которыми руководствовались при выборе языков. Если учесть значение языков в европейском масштабе, то претендовать на четвертое место должен был бы не испанский, а итальянский язык, по количеству людей, использующих его в качестве первого, а немецкий занял бы первое место. Но если взять их мировое значение, тогда больше прав было бы не у французского, а у испанского и португальского языков, у немецкого их было бы еще меньше.

Таким образом, нынешняя ситуация характеризуется рядом факторов, многие из которых в дальнейшем чреваты возникновением конфликтов. Языковые проблемы в европейских учреждениях способны буквально парализовать их деятельность. Единственным технически возможным решением было бы радикальное сокращение количества используемых языков, однако против этого могут быть выдвинуты «демократические» или «этические» аргументы, право народов на свои языки, на разнообразие и т. п. Некоторые государства, в том числе Франция, категорически против выбора английского языка в качестве единственного языка международного общения. Другие государства не хотят допустить ущемления прав своих языков, и многие из них непоколебимы в этом вопросе. Даже если, например, чехи и словаки понимают друг друга, разница между чешским и словацким языками представляется как один из составных элементов их национальной идентификации. И, наконец, сторонники европейского федерализма продолжают надеяться, что рано или поздно в качестве языка-посредника утвердятся английский или эсперанто, а национальные языки будут низведены до уровня региональных.

Но так или иначе решение этой головоломки предполагает все же сокращение числа официальных языков, даже если это далеко не простой путь. Можно, конечно, рассмотреть промежуточные решения, например, возможность пассивного освоения европейскими чиновниками некоторых языков. Шведы и датчане могли бы легко понимать друг друга, говоря каждый на своем языке, равно как немцы и нидерландцы, или итальянцы, французы, португальцы и испанцы. Но это не решает проблему в целом. Можно просто ждать, надеясь, что современные изыскания в области машинного перевода принесут долгожданное решение, можно расширить практику перевода через несколько основных языков (английский, испанский, французский...) и не нанимать переводчиков между редкими языками, а только переводчиков англо-Х, Y, Z, испано-Х, Y, Z языков.

Можно попытаться решить проблему путем ликвидации двойственности официальные языки / рабочие языки, оставив ограниченное число языков, например, три или четыре – немецкий, английский, испанский и французский. Но надо убедить в правильности такого пути все заинтересованные стороны. Надо, чтобы все государства получили какое-то удовлетворение. Если невозможно использовать сразу все двадцать языков, можно было бы использовать их поочередно. Получилась бы огромная экономия средств и не пострадали бы языковые амбиции. Как часто пришлось бы осуществлять смену языков? Можно сделать так, чтобы четвертый (или пятый) язык менялся каждый год или через год, или, например, чтобы он менялся при каждом новом президентстве, т. е., чтобы язык председательствующей страны автоматически добавлялся к постоянно действующим языкам.

Будут, конечно, технические трудности, связанные в основном с работой устных или письменных переводчиков. Если, например, Европа будет существовать с четырьмя постоянными и одним сменным языками, то в наличии постоянно будет двадцать комбинаций перевода, а письменные и устные переводчики со сменного языка на четыре остальных будут выполнять лишь временную функцию. Поэтому встанет вопрос об их дальнейшем трудоустройстве, поскольку финн или грек, обучавшиеся, скажем, переводу с или на английский, испанский или французский, не смогут без труда найти новое место в многоязычной Европе, которая таким образом будет отчасти защищена от опасности английского одноязычия.

Подобное решение проблемы, каким бы сложным и даже маловероятным оно ни показалось, все же заслуживает того, чтобы обратить на него внимание.

Об образовательной политике в расширяющейся Европе

Франсис Дебизе

*(член редколлегии журнала
«Французский язык в мире»)*

ВРЕЗКА 3 Сколько бы государств ни насчитывала объединенная Европа, перед ней всегда будет стоять проблема языка международного общения. Европейские учреждения должны решать ее на основе глубоко продуманной политики в области языка и образования. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

В Европе, будь то Европейский Союз 25 государств-членов, или Совет Европы, насчитывающий более сорока стран, пока нет общего политического курса ни в сфере образования, ни в сфере языка, который был бы сравним, например, с программами в области сельского хозяйства или рыбной ловли. Этим уже давно занимаются специалисты в Брюсселе и Страсбурге, понимая, что существующее разнообразие языков и культур на континенте требует выработки адекватных решений. Ни один проект в этой сфере невозможно реализовать путем указов и распоряжений, его осуществление предполагает активное участие всего общества. Ибо прерогативы основных европейских учреждений ограничены...

Несмотря на то, что вопросы образования были затронуты в статье 126 Маастрихтского договора, ни Европейская Комиссия, ни тем более Совет Европы не могут воздействовать на национальные системы образования, остающиеся исключительно в ведении государств. Наднациональные европейские учреждения могут только рекомендовать, содействовать, поддерживать проекты, акции, программы сотрудничества и т. д., направленные на развитие многоязычия и воспитание европейского гражданства, но их роль остается вспомогательной.

В 1995 году Управление образования и культуры Европейской Комиссии опубликовало Белую книгу «Образование и обучение – к обществу знания», в которой были определены основные направления языковой политики: необходимость добиваться того, чтобы каждый молодой европеец, наряду со своим родным языком, мог освоить два европейских языка; введение «раннего» обучения языкам, т. е. с начальной школы; возможность постоянного изучения языков (на протяжении всей жизни). Эти направления получили широкий резонанс, хотя не все государства-члены имели возможность сразу претворить их в жизнь.

Благодаря принятию Белой книги, языковая политика ЕС стала активнее развиваться и совершенствоваться. Были разработаны эффективные программы профессионального обучения «Сократ» и «Леонардо», увенчались успехом акции, предпринятые в рамках программ «Комениус» и «Лингва», которыми в полной мере воспользовались страны – кандидаты. В 2001 году совместно с Советом Европы был объявлен Год языков с целью более широкой пропаганды политики языкового разнообразия. Для закрепления положительных результатов этой акции было принято решение проводить ежегодно в каждой стране Европейский день языков 26 сентября.

Что касается Совета Европы, насчитывающего более сорока государств-членов, включая Российскую Федерацию, Белоруссию, Молдавию и Украину, а также три закавказских республики – Грузию, Армению и Азербайджан, то его политика в отношении образования, культуры и языка сходна с политикой ЕС: Европа и ее граждане должны быть многоязычными и для этого следует поощрять языковое разнообразие в национальных системах образования, а также в рамках любых форм постоянного обучения языкам.

В течение последнего десятилетия были разработаны два новых инструмента, которые уже принесли свои плоды: «Общеввропейский языковой справочник – обучение, преподавание, оценка» (2001 г.) и «Общеввропейский языковой портфель», изданный также в 2001 году по случаю Европейского года языков. Первое издание ориентирует на выработку единых стандартов, целей и критериев оценки в обучении современным языкам, усиление связи и понимания между европейскими учебными заведениями, координацию педагогических задач, программ и методик для их решения. Обращение к «Общеввропейскому справочнику» уже позволило успешно согласовать множество школьных программ, официальных рекомендаций по преподаванию языков, учебников и аттестатов.

С таким же успехом действует «Общеввропейский языковой портфель», призванный предоставить каждому обучающемуся «портфель» языковых навыков, в котором документально отражены его формальные и неформальные достижения, его межкультурные знания, и который служит ему постоянным помощником в самообразовании и самооценке.

Следует также сказать о плодотворной деятельности Европейского центра современных языков, созданного Советом Европы в 1994 году в Граце (Австрия). Его задача – претворение в жизнь принципов и программ, разрабатываемых Советом Европы, развитие новых направлений в области изучения и преподавания языков. Он активно содействовал проведению политики языкового разнообразия в Европе путем организации множества тематических семинаров и курсов для руководящих работников и преподавателей стран-членов, в частности, стран Восточной и Центральной Европы.

Интересно отметить, что Брюссель и Страсбург придерживаются одной и той же языковой политики, исходя из разной аргументации. Европейский Союз, изложивший свои доводы в Белой книге в 1995 году, считает, что развитие разных форм обучения языкам, в том числе возможности обучения на протяжении всей жизни – это ответ на глобализацию и ускорение развития знаний. Аргументация Совета Европы больше основана на правах человека, как Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992 года.

Самое легкое – и самое дешевое – решение проблемы международного общения для Европы с 25–30 государствами-членами – принятие всеми одного языка – *лингва франка*, которым будет не эсперанто, а, конечно же, английский. Это искушение существует и может в дальнейшем усилиться, поскольку не решена проблема коммуникации в расширяющейся Европе, где сохранение и развитие разноязычия представляются некоторым скорее как непреодолимое излишество, нежели «добавленная стоимость»...

Какие козыри есть в арсенале политиков в пользу разноязычия и языкового разнообразия перед лицом реальной угрозы сведения коммуникации к одному господствующему языку? Во-первых, население большинства новых государств-членов имеет более выраженные традиции разноязычия, чем это наблюдается среди крупных «моноязычных» наций Западной Европы. Во-вторых, несмотря на ведомственные предосторожности, которые несколько лет тому назад не позволяли даже упоминать этот термин, в Европе происходит процесс *гармонизации* систем образования (а не их унификации), как на уровне школьного, так и на уровне высшего образования.

В ближайшее время большинство новых государств-членов будут нуждаться в помощи организационного и экономического характера. Но надо напомнить, что никому из них не требуется политическое содействие в области просвещения или культуры. Они могут дать Европе столько же, сколько Европа может дать им.

По материалам *Le Français dans le monde*. – 2003. – № 326.

Г.С. Вовк

NB! Первый текст в обрамление (именно в таком порядке, второй после этого)

НАВСТРЕЧУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анник Бенуа-Дюосуа – одна из авторов книг «Европейская литература» и «Словарь европейских авторов», вышедших в издательстве «Ашетт» во Франции в 1992 году. Главный редактор журнала *Le Français dans le monde* Франсуаза Плокен попросила автора ответить на три вопроса, касающихся первого из названных изданий.

– *Как родилась идея «Европейской литературы», которую Вы создавали в соавторстве с Ги Фонтеном?*

– Лет десять тому назад во Франции нельзя было найти ни одного доступного издания, которое помогло бы обычному студенту подготовиться к сдаче экзамена или хотя бы просто познакомиться с иностранной литературой. С моим коллегой Ги Фонтеном мы подготовили несложный учебник по французской литературе, а также ряд небольших рефератов по испанской, итальянской, британской, русской, немецкой и другим литературам, и еще по Библии, Древней Греции и Риму. Эта работа привела нас к созданию более сложного произведения – справочного издания «Европейская литература», появившегося в 1992 году. Мы пригласили в нашу команду европейских специалистов университетского уровня, занимающихся литературой своих стран. Встречи представителей разных стран превратились в напряженные дебаты, в хорошем смысле этого слова. Большие трудности возникали по вопросам терминологии, подходов и особенно в отношении периодичности. Ведь периоды развития литературы для каждой страны не одинаковы: например, романтизм во Франции сдвинут по времени в одну сторону относительно Германии, в другую – относительно Польши. В результате каждая глава была написана представителем той страны, о литературе которой шла речь.

Одновременно с нами велась огромная работа в Бельгии по созданию «Европейского литературного наследия» под руководством Жана-Клода Поле. Колоссальное 13-томное произведение сегодня завершено и выпущено в свет.

– *Изменился ли в связи с этим взгляд на национальные литературы в Европе?*

– Да, сто пятьдесят авторов книги ощутили, что литература их стран «звучит» многоголосом общем хоре, тогда как раньше многим представлялось, что она развивается только в пределах своей страны. В эпоху торжества барокко в Европе французский классицизм выглядел как скромная авангардистская попытка, противоречившая господствовавшей тогда эстетике, однако постепенно его влияние распространилось на другие страны.

– *На Ваш взгляд, преподавание европейской культуры развивается в правильном направлении?*

– Страны расширяют свои экономические и политические связи, а вот в сфере культуры происходит нечто противоположное: преподаватели языка все меньше обращаются к литературе. Эта тенденция, появившаяся у скандинавов, в настоящее время уже дошла до итальянцев и испанцев, которые капитулировали последними.

В 1990-х годах французское правительство приняло решение о введении курса иностранной литературы в лицеях. Но в 1992 году оно отступило под тем предлогом, что у преподавателей литературы нет необходимой подготовки для такого рода занятий, а преподаватели языков предпочитают обращаться к современным текстам. Единственной страной, которая долгое время поддерживала подлинное европейское образование, была

Бельгия, но боюсь, что и здесь уже происходит разворачивание тенденции в обратную сторону. Подобная политика государства не может не настораживать, но мы с Ги Фонтеном продолжили наши начинания в иной форме. Мы договорились с Северным Советом о создании дома творчества для европейских писателей. Место было выбрано очень удачно: вилла Мон-Нуар в Бельгии, где провела свое детство писательница Маргерит Юрсенар. Наша инициатива имела большое воспитательное значение в том смысле, что дала возможность проводить ежегодные встречи полутора десятков писателей с местными школьниками.

Это приносит нам заслуженное удовлетворение. Все идет неплохо, вилла гостеприимна и располагает к творчеству. Однако и поводов для беспокойства достаточно. В отличие от других художественных направлений – музыки, живописи, архитектуры, которые сразу и непосредственно воспринимаются в той или иной стране, литература имеет в своей основе язык. Это препятствие можно было бы легко преодолеть благодаря переводам, но, к сожалению, издательства все дальше идут по пути сокращения средств, выделяемых для этой цели. Если говорить о Европе, здесь доля переводческой литературы довольно незначительна. Порой бывает проще найти американскую или японскую литературу, нежели литературу наших соседей.

Le Français dans le monde. – 2003. – № 326.

Г.С. Вовк

Второй текст в обрамление

«Европейское литературное наследие»

Доктор философии и филологии, профессор двух бельгийских университетов Жан-Клод Поле рассказал в интервью главному редактору журнала «Французский язык в мире» Франсуазе Плокен о своей работе над объемным изданием «Европейское литературное наследие», два последних тома которого недавно вышли в свет в Брюсселе.

На вопрос о том, *как появилась идея создания «Наследия»*, Ж.-К. Поле ответил:

«Я исходил из того, что существует европейская культура, что она достаточно однородна... Мне хотелось посмотреть на нее с литературной точки зрения, поскольку из всех искусств литература наиболее выразительна. Чтобы получилось как можно более продуктивно, я объединил в этой работе два аспекта: энциклопедический и антологический. Если провести скромную аналогию с Дидро, энциклопедический подход означает новое видение европейского культурного наследия. При выборе произведений предпочтение отдавалось авторам и жанрам, которые отражали бы преемственность эпох. Хронология дополняется историческими врезками, основанными на культурной и литературной действительности. Чтобы подчеркнуть наглядность такого разделения, пришлось нарушить привычные рамки. Вместо традиционных исторических фактов (слишком зависимых от национальной принадлежности), современное историческое самосознание определяется тем, какое место занимают языки и какую роль играют цивилизационные ценности. Поэтому авторам отведено место в зависимости от того, на каком языке они писали. Так, украинцы, писавшие на русском, находятся в разделе «русской литературы», ибо они раскрыли самобытность своего дарования благодаря посредничеству языка-медиума. С этой точки зрения совершенно оправдано также применение принципа франкоязычия. Франция определена как *одна из* стран французской литературы, поскольку французский язык представляет собой эталон цивилизационных ценностей в гораздо более широком смысле, чем просто принадлежность к французскому государству. Кроме того, хронологический порядок задан датой смерти писателя, а не фактом его принадлежности к тем или иным языкам и культурам. Поэтому, например, смешение авторов и языков при раскрытии так называемого романтического периода лишь подчеркивает то, что их объединяет, начисто разрушая старые рамки.

Если Европа строится, она не может больше позволять себе преподавать литературу по-старому. Она должна найти такую форму представления, которая не была бы стеснена рамками национальной истории, но при этом не оказалась бы полностью бессистемной».

Далее Поле спросили о том, *почему так много места – 3000 страниц – отведено периоду, предшествовавшему Средневековью*. Ученый ответил, что хотя развитие каждого отдельного периода характеризуется высокой степенью автономности, нельзя отрицать наличие некоего общего литературного генома у всех европейских литератур. Всем цивилизованным людям пришлось так или иначе соприкоснуться с основополагающими текстами или их переводами. Без обращения к истокам невозможно понять, что такое наследие, своего рода капитализация процентов старого фонда, который продолжает приносить пользу.

Ж.-К. Поле объяснил также, почему труд заканчивается 1958 годом. Вначале он намеревался остановиться на 1922-м (год смерти Марселя Пруста), но затем написал еще два тома – до 1958 года. Это довольно поздняя дата с той точки зрения, что еще не успела реально установиться некая иерархизация талантов, многое остается в плоскости вероятного, а не действительного. Автору пришлось довериться мнению 500 своих коллег, большей частью университетских профессоров. В XX веке литература ассоциируется с художественными произведениями, в прошлом же понятие литературного было гораздо шире, «уметь хорошо писать» должны были юристы, медики, ученые...

Что касается даты, по мнению Поле, 1958 год – это важная веха в существовании европейского этноцентризма, означающая конец колониальных империй. С момента, когда Европа предоставила независимость своим бывшим колониям, признание прав «иного» сильно повлияло на ее идею самоидентификации. 1958 год ознаменовался окончанием одного мира и началом другого, родившегося в момент подписания Римского договора. Одной своей гранью эта дата повернута к собственно европейскому будущему, другой – к отказу от мысли о Европе, правящей миром.

Как Вы распределяли материал между странами? – таким был следующий вопрос.

– Это антология на французском языке. Я намеренно сократил долю литературы, написанной по-французски, полагая, что она уже известна читателю. Достаточно было просто отразить ее место в стратегически важные моменты. Французская литература, наряду с исландской, была самой значительной литературой на местном языке в период Средневековья (если не считать литературу на латинском). Учитывая массивный характер их творчества, авторы, писавшие на французском языке, очень широко представлены в томах, посвященных Средневековью. То же самое в XVIII веке. В Европе той поры определяющим было творчество французских философов-просветителей. Но характеризуя, например, конец XIX столетия, я не упоминаю Альфонса Доде, а привожу Диккенса, чье имя точнее позволяет отразить суть культурно-эстетического движения, к которому они принадлежали. Таким же образом я иногда отдавал предпочтение венграм перед датчанами, испанцам перед русскими, если первые более самобытно представляли те или иные направления. Из этих же соображений я часто отводил привилегированное место авторам, пишущим на «малых языках». Гений – это не то, что делает много шума, а то, что безупречно делает то, что должно делать.

– Как нефранкоязычные европейцы воспримут эту книгу, написанную полностью на французском языке?

– Я хотел всем европейцам дать возможность открыть то, что им принадлежит, на французском языке. Литература – лучший способ погрузиться в язык и культуру одновременно. Каждый европеец может признать свою идентичность в том виде, в каком она выражена на французском языке. Для грека чтение греческого автора на французском языке – это возможность в высшей степени осознать универсальность

своего собственного языка. Следовало бы сохранить принцип «Наследия» и воссоздать этот труд на каждом из европейских языков. Продолжая сближаться с другими, европейцы жаждут остаться самими собой. Они испытывают потребность в общении, в слиянии, но не смешиваясь.

– *Какие европейские универсалии Вы очертили?*

– Самое главное – это цивилизационные ценности. Первые тома, посвященные истокам, огромны по своему объему, потому что нынешние европейские универсалии уходят корнями в те времена. Идея векторного характера времени пришла к нам от еврейской и христианской традиции. Мы разделяем концепцию прогресса, финальности истории. Отсюда вытекает идея ответственности: на человечество возложена ответственность выполнения миссии.

Второе фундаментальное понятие состоит в том, что человек – личность; гражданин, если обратиться к греко-латинской мысли. Это солидарная концепция: гражданин отвечает за государство, поэтому государство может существовать как постоянная реальность. Идея о человеке как личности – фундаментальная христианская идея, поскольку религия основана на вере в персонифицированного бога. Эти две реальности лежат в основе европейской цивилизации, ее этики и ее эстетики. Отсюда рождаются основополагающие ценности, в центре которых – личность и сообщество.

Идеи о человеке-личности, о коллективном и о всеобщем сосуществуют в европейском сознании как три концентрических круга; в XVII веке они привели к возникновению понятия гуманизма, который достиг своего расцвета в XVIII веке. К этому следует добавить развитие эстетических ценностей, в том числе в сфере словесных искусств. Поиск художником красоты – это его стремление внести свой вклад в постижение мира. Смысл искусства – сделать мир прозрачным. В этом отношении литература, учитывая ее доступность и ее мощный познавательный потенциал, превосходит все другие виды художественного отражения действительности. Ведь триумфальное шествие гуманизма на протяжении многих поколений началось с развития филологического знания.

Le Français dans le monde. – 2003. – № 328.

Г.С. Вовк